

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-401-414

Научная статья / Research article

Политическое будущее мигрантов в России: гипотезы и модели

Л.В. Савинов

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
savinov@siu.ranepa.ru

Аннотация. Политические перспективы мигрантов в России представляют собой не только актуальную проблему, но и требуют всестороннего научного анализа на основе достижений современной политической науки. В силу этого в работе предпринята попытка научно-методологического обоснования и исследования участия мигрантов в будущих политических процессах. На основе миграционной динамики и особенностей миграционного поведения разработана модель-гипотеза – варианты и сценарии политического участия мигрантов в России. В модель включены следующие элементы: личные и групповые стратегии миграционного будущего; траектории и характер политического участия мигрантов; идеологические предпочтения и политические установки; содержание политической культуры миграционного сообщества; целевые ожидания мигрантов в политической сфере; уровень включенности мигрантов в институты гражданского общества; уровень политической активности мигрантов и лидеров миграционного сообщества; готовность коренных жителей к допуску мигрантов к политическим процессам; позиция государства и институтов власти к политическим претензиям со стороны мигрантов. Таким образом, на основе методологии контекстного инструментализма представлен методологический базис политического прогноза будущего мигрантов в России с учетом базовых миграционных факторов и трендов, также определены основные направления научного поиска путей верификации сформулированной гипотезы.

Ключевые слова: миграция, мигранты, политическое прогнозирование, будущее мигрантов, миграционная политика, этнополитика, Россия

История статьи: Поступила в редакцию 02.05.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: Савинов Л.В. Политическое будущее мигрантов в России: гипотезы и модели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 401–414. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-401-414

© Савинов Л.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Political Future of Migrants in Russia: Hypotheses and Models

Leonid V. Savinov

Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
6 Nizhegorodskaya, Novosibirsk, 630102, Russian Federation
savinov@siu.ranepa.ru

Abstract. The political prospects of migrants in Russia are not only an urgent problem, but also require a comprehensive scientific analysis based on the achievements of modern political science. For this reason, the paper attempts to provide scientific and methodological justification and research on the participation of migrants in future political processes. Based on migration dynamics and features of migration behavior, a model-hypothesis – variants and scenarios of political participation of migrants in Russia has been developed. The model includes the following elements: personal and group strategies for the migration future; the trajectory and nature of political participation of migrants; ideological preferences and political attitudes; the content of the political culture of the migration community; the target expectations of migrants in the political sphere; the level of involvement of migrants in civil society institutions; the level of political activity of migrants and leaders of the migration community; the readiness of indigenous people to allow migrants to political processes; the position of the state and government institutions to political claims from migrants. Thus, based on the methodology of contextual instrumentalism, the methodological basis of the political forecast of the future of migrants in Russia is presented, taking into account the basic migration factors and trends, and the main directions of scientific search for ways to verify the formulated hypothesis are also identified.

Keywords: migration, migrants, political forecasting, future of migrants, migration policy, Ethnopolitics, Russia.

Article history: Submitted on 02.05.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Leonid V. Savinov. Political Future of Migrants in Russia: Hypotheses and Models. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 401–414. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-401-414

Введение

Современный мир становится все более динамичным, люди, преодолевая не только географические и культурные преграды, оказываются в новых для себя социальных реалиях. И не всегда на начальном этапе мигранты включены в политические процессы. Вместе с тем контакты с глобальными политическими институтами неизбежны: они так или иначе приходят в политику. Многие страны уже прошли через этап политической инкорпорации внешних мигрантов. Опыт каждой из них является уникальным, но все же присутствуют общие тенденции и стратегии политической активности мигрантов в принимающих сообществах. Россия в силу исторических условий находится на начальном этапе полноценного включения мигрантов в политические процессы.

Каким будет политическое будущее мигрантов в России и российские политические реалии с мигрантами?

Цель и методы исследования

Миграция будущего и политическое будущее мигрантов в современной российской науке представлены слабо и противоречиво. Именно поэтому целью нашего исследования является определение не только *базовых прогнозных сценариев политического будущего мигрантов*, но и *определение возможностей и ограничений актуальных (во многом классических) методологических подходов и методов исследования* в этом направлении. В связи с этим мы будем опираться не только на фундаментальные достижения политологии в области прогностики (теоретический аспект) и политического прогнозирования (эмпирические исследования), но и авторскую концепцию контекстного этноинструментализма [1]. При этом теория и методология исследования политического будущего представлены достаточно полно и охватывают широкий спектр социального бытия [2; 3].

Под прогнозом мы понимаем «специальное научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития явления» [4], которое включает три взаимосвязанные составляющие:

- а) теорию прогнозирования (концептуальная и теоретико-методологическая база; категориальный аппарат);
- б) аналитику прогнозируемых явлений и процессов (определение оснований анализа и причинно-следственных связей; исследовательский процесс);
- в) прогнозные модели и сценарии (результаты прогностики; научно обоснованное суждение).

Необходимо обратить внимание на разделение прогнозирования на поисковые (эксплораторные) и нормативные (телеологические), а также понимание прогноза как значимого элемента системы (триады): «диагноз – прогноз – управление». В этом ракурсе прогнозирование становится важным звеном между оценкой состояния объекта прогноза и способов его изменения.

В свою очередь, под политическим прогнозом в работе понимается научно обоснованное суждение о вероятном состоянии политики (в широком смысле), политической системы и/или ее компонентов, политических процессов и явлений в перспективе и о возможностях и ограничениях достижения определенных политических целей. Вообще, политическое прогнозирование имеет фундаментальный корпус общепризнанных знаний и не требует дополнительных презентаций [5; 6].

Миграция и миграционные процессы в научном анализе представлены широким спектром методологических подходов и объяснительных теорий. В данном исследовании мы ориентируемся на междисциплинарный подход и социальный конструктивизм. Определение миграции и ее характеристик дается на основе международных документов ООН.

В исследовании также используются идеи и концепции теории миграции [7–10], миграционного транзита [11–13], культурной и социальной адаптации и интеграции мигрантов [14–16], миграционной политики [17–19], политического поведения мигрантов [20; 21].

Результаты исследования

Согласно данным Международной организации труда ООН, сегодня в мире насчитывается около 277 млн мигрантов, большая часть из которых (примерно 164 млн) принадлежит к категории трудовых мигрантов¹.

В свою очередь, Всемирная организация по миграции (ИОМ – The International Organization for Migration) в ежегодном отчете «Word Migration Report 2020» утверждает, что долгосрочная и растущая совокупность данных о мобильности в мире показывает, что миграция в значительной степени связана с более широкими глобальными экономическими, социальными, политическими и технологическими преобразованиями, которые затрагивают широкий круг высокоприоритетных вопросов политики.

В целом, по оценкам ИОМ, за последние пятьдесят лет число международных мигрантов значительно увеличилось. На сегодняшний день более 272 млн человек живут не в странах своего рождения. В 2019 г. таких мигрантов было на 119 млн больше, чем в 1990 г. (153 млн), и это более чем в три раза превышает данные 1970 г. (84 млн).

В 2019 г. Европа и Азия приняли около 82 и 84 млн международных мигрантов соответственно, что в совокупности составляет 61% от общего числа международных мигрантов в мире. Далее идет Северная Америка, где в 2019 г. насчитывалось почти 59 млн международных мигрантов, или 22% от общего числа мигрантов в мире. Африка составляет 10%, Латинская Америка и Карибский бассейн – 4%. Океания находится на уровне 3%. Если сравнивать с численностью населения в каждом регионе, то доля международных мигрантов в 2019 г. была самой высокой в Океании, Северной Америке и Европе, где они были представлены соответственно в пропорции 21, 16 и 11% от общей численности населения. Для сравнения удельный вес международных мигрантов относительно малочислен в Азии и Африке (1,8 и 2% соответственно), а также в Латинской Америке и Карибском бассейне (1,8%). Однако самый заметный рост в период с 2000 по 2019 г. наблюдался в Азии².

Россия также является наиболее крупным импортером миграционных ресурсов [22]. Официальная статистика свидетельствует, что в последние годы в стране международная миграция все еще высока с тенденциями на снижение численности приезжающих. Речь в данном случае идет только о тех, кто получает вид на жительство или разрешение на временное пребывание: в 2014 г. прибыло 590 824 официальных мигрантов, а в 2019-м – 565 585. В этот же период показатели выбытия составили соответственно 310 496 и 440 831 человек.

¹ См.: ILO. Global Estimates on International Migrant Workers Results and Methodology Second edition (reference year 2017). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/publ/documents/publication/wcms_652001.pdf (accessed: 25.04.2020). ISBN: 978-92-2-132671-7 (print); 978-92-2-132672-4 (web pdf)

² См.: Word Migration Report 2020. International Organization for Migration. P. 1 // URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed: 25.04.2020). e-ISBN 978-92-9068-789-4

При этом в последние годы Российская Федерация перестала интересовать некоторую часть иностранных трудовых мигрантов. К примеру, значительно упала доля китайских трудовых мигрантов. Причиной тому является повышение уровня жизни и средних зарплат в самом Китае. Мы как страна для мигрантов больше интересны для жителей Центральной Азии: в 2018 г. в Россию прибыло из Таджикистана – 67 929, Казахстана – 72 141 и Узбекистана – 55 378 человек. Однако миграционный потенциал этих стран-доноров не безграничен. По сравнению с 2017-м в 2019 г. миграционный прирост в России снизился на 41,1%. Так, за последние годы наблюдается существенное сокращение миграции из Узбекистана, из которого только в 2014 г. прибыло 131 725 человек. Произошло двукратное сокращение миграции из этой центральноазиатской страны.

Отметим, что в 2018 г. наиболее значимые показатели по выбытию показала Украина – 122 954 человека. Затем с большим отрывом идут такие страны ближнего зарубежья, как Казахстан – 45 625 человек и Таджикистан – 36 901. Среди стран дальнего зарубежья лидирующие позиции по выезду из Российской Федерации удерживали Китай (7544), Северная Корея (6038), Индия (5217) и Германия (5209)³.

Все приведенные данные представлены без учета нелегальной миграции, которую также необходимо учитывать, определяя будущие горизонты политической активности мигрантов [23].

Вместе с тем одна из определяющих тенденций последнего времени – это удержание численности населения Российской Федерации лишь за счет миграционного обмена с другими странами, главным образом центральноазиатскими. Миграционный прирост к 2030 г. предполагается выше среднего и составит 516 тыс. человек ежегодно, полностью компенсировав естественную убыль населения.

Однако для нашего исследования сами миграционные тренды в общем представлении не являются достаточными, хотя они убедительны и формируют фоновые основания анализа. Более значимы сущностные характеристики как самой миграции, так и самих мигрантов: миграционные волны, миграционные поколения, настроения и ожидания мигрантов, их качественные социальные характеристики и др. Также важно понимание того, как перемещение мигрантов, которое происходит по разным причинам, влияет не только на политику, но и экономическую, социальную и культурную сферы, демографическую ситуацию и т. д.

В России и ее регионах в исторической ретроспективе миграция протекала по-разному: менялись масштабы, структура, направление и содержание [24]. Необходимо учитывать и имперский, и советский периоды, когда внутренняя и внешняя миграции также формировали сегодняшний миграционный ландшафт. При этом миграция как социальный процесс обладает как

³ См.: Статистика миграции по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/migratsia/#i-11> (дата обращения: 26.04.2020).

положительными, так и отрицательными эффектами, оказывающими существенное влияние в том числе и на политику.

К положительным особенностям миграции необходимо отнести следующие:

– мигранты вносят существенный вклад в экономическое развитие как принимающих стран, так и стран-доноров на национальном, региональном и местном уровнях. Некоторые страны, к примеру Таджикистан, большую часть ВВП формируют за счет экспорта трудовых мигрантов и возвратных денежных потоков. В России многие отрасли экономики, как и многие региональные экономики, уже не могут существовать без трудовых мигрантов;

– международные миграционные потоки сглаживают региональные мировые демографические диспропорции, поддерживая численность населения в странах прибытия. Как правило, экономически благополучные принимающие страны только за счет мигрантов удерживают или наращивают численность населения. Россия в последние годы именно за счет миграционного прироста удерживает небольшой прирост населения, и этот тренд в будущем будет увеличиваться;

– перемещение людей всегда связано с экспортом и импортом этнокультурных и религиозных обычаев и традиций, что традиционно украшает этнокультурную мозаику принимающего сообщества, формируя мультикультурные ценности. Сегодня наиболее успешные города Европы и Северной Америки – это мультикультурные агломерации. Встреча культур, религий, языков и традиций необязательно продуцирует конфликты и противоречия. И в этом смысле идея С. Хантингтона о конфликте цивилизаций не является универсальной [25].

И все же миграционные потоки формируют и негативные эффекты:

– отток населения из стран-доноров неблагоприятно отражается на их экономическом и социальном развитии;

– усиливаются негативные социальные настроения по отношению к мигрантам, что оказывает существенное влияние на характер межэтнических и межконфессиональных отношений, особенно на уровне локальных сообществ;

– рост нелегальной миграции и связанных в том числе с этим криминальных проявлений.

Однако для определения политического будущего мигрантов в России необходимо учитывать не только миграционную динамику и эффекты миграционных процессов, но и изменение миграционного поведения. Наши исследования показывают, что за последние десять лет произошло существенное изменение в целевых установках и ожиданиях мигрантов. Во-первых, трудовая миграция в России сегодня не единственная форма международной мобильности. Увеличивается академическая миграция и число мигрантов, прибывающих на постоянное место жительства и стремящихся к получению российского гражданства. Если в 90-е гг. прошлого века и нулевые годы XX в. мигранты в подавляющем большинстве были трудовыми и ставили перед собой в основном экономические цели, то сегодня наряду с получением доходов

и обеспечением базовых потребностей социальные мотивации становятся все более приоритетными. Речь идет о социальном обеспечении, образовании для детей, здравоохранении, уровне безопасности по сравнению со странами прибытия. Возрастают и ожидания мигрантов в получении гражданства. Россия уже находимся на этапе, когда мигранты полукоренного и второго поколения становятся значимой группой, как внутри миграционного сообщества, так и в составе населения России. А это уже мигранты с достаточно высоким уровнем социальной и культурной адаптации и интеграции, для которых политические ожидания и требования становятся не только актуальными, но и необходимыми.

Таким образом, мы в ближайшем будущем с высокой долей вероятности увидим мигрантов с уже иным набором интересов и ценностей. В связи с этим появится необходимость особого внимания к их политической активности. При этом желаемые сценарии их гармоничной интеграции в российское политическое пространство, адаптация к политической культуре и ценностям видятся не столь очевидными. Конфликты интересов и ценностей между мигрантами и принимающим сообществом могут перейти в политическое поле и оказать влияние на содержание и характер их политического участия. Необходимо учитывать и то, что для разных поколений мигрантов, для мигрантов-иностранцев и мигрантов-сограждан необходимо видеть дифференцированные роли в политических процессах. В одном случае это может быть участие в протестных акциях, в которые может быть включена вся когорта мигрантов, в других, в частности в электоральных процессах, только получившие гражданство. При этом существенными будут факторы резидентности, интегрированности и характера политической социализации/ресоциализации. Представляется, что проблема возможностей и ограничений социальной и культурной адаптации нынешних мигрантов окажет существенное влияние на их политическое поведение в будущем.

В связи с этим предлагается следующая типологическая модель вариантов и сценариев политического будущего мигрантов в России, которая должна раскрыть следующие вопросы:

- личные и групповые стратегии миграционного будущего;
- траектории и характер политического участия мигрантов;
- идеологические предпочтения и политические установки;
- содержание политической культуры миграционного сообщества;
- целевые ожидания мигрантов в политической сфере, в том числе в электоральных процессах и представительстве в органах власти и других политических институтах;
- уровень включенности мигрантов в институты гражданского общества;
- уровень политической активности мигрантов и лидеров миграционного сообщества;
- готовность коренных жителей к допуску мигрантов к политическим процессам;

– позиция государства, институтов власти и гражданского общества к политическим претензиям со стороны мигрантов.

По отношению к мигрантам наиболее актуальными представляются следующие виды политического участия: добровольное и принудительное, активное и пассивное, индивидуальное и групповое, легитимное и нелегитимное, традиционное и новаторское. Также необходимо выделить и основные типы политической деятельности: политическое отчуждение, когда мигрант или миграционная группа отказываются от участия в политической жизни; политическая пассивность, когда мигрант или миграционная группа находятся под чужим политическим влиянием; политическая активность, когда мигрант или миграционная группа стремятся воздействовать на политическую власть в своих интересах. При этом непосредственное политическое участие мигрантов может быть индивидуальным, групповым и массовым.

Таким образом, мы предлагаем гипотезу *о будущей политической активности мигрантов в России* с учетом представленных миграционных факторов и трендов. Политическую активность предлагаем рассматривать в спектре «отчуждение (0–3) – пассивность (4–7) – активность (8–10)».

Представляется, что политическая активность мигрантов будет возрастать от поколения к поколению в зависимости от уровня резидентности. При этом необходимо учитывать фактор гражданства, который оказывает существенное влияние на уровень политической социализации и активности мигрантов. Без гражданства они не могут включаться в такие форматы политического участия, как партийное членство и электоральные процессы. Вместе с тем политический абсентеизм первого поколения мигрантов будет рассыпаться с получением даже этой группой гражданства и соответственно больших политических прав. Опыт США и Западной Европы свидетельствует о значительном повышении политической активности при получении гражданства либо при нарастании резидентности, то есть последующие поколения мигрантов более политически активны [26]. Для российских мигрантов будет характерна высокая политическая консолидация при продвижении своих интересов, усиливаемая этническим и религиозным факторами. Возможно, роль идеологии и политических идей будет отходить на второй план при продвижении «своих» миграционно окрашенных ценностей и интересов. В электоральных процессах, скорее всего, будет наблюдаться «дилемма и парадокс голосующего мигранта» – феномен выбора «своего» миграционного кандидата по мажоритарной системе, не принадлежащего «своей» политической партии.

Подтверждение предложенной гипотезы политической активности мигрантов возможно при проведении дополнительных поисковых исследований эмпирического характера с использованием социологического инструментария: глубинных экспертных интервью и опроса мигрантов.

С учетом демографического фактора и увеличением миграционного сообщества, обладающего всеми политическими правами и свободами, будет возрастать конкуренция за этот политический ресурс, главным образом за голоса

избирателей. При этом наиболее остро ситуация проявится на муниципальных выборах, где консолидированные и мобилизованные миграционные сообщества уже в ближайшем будущем смогут стать реальной политической силой вне зависимости от индивидуальных политических предпочтений и лояльностей самих мигрантов. И в этой связи опасения Патрика Бьюкенена по отношению к Западу могут найти неожиданное продолжение в России: меняющая структуру электората нарастающая миграция, демографический рост миграционных сообществ, подкуп мигрантов социальными программами и т. д. [27].

Таблица 1 / Table 1

**Матрица политической активности мигрантов (гипотеза) /
Matrix of political activity of migrants (hypothesis)**

Показатель / Indicator		Формы и методы политического участия / Forms and methods of political participation					
		Реакция на политические события / Reaction to political events	Участие в собраниях, демонстрациях, митингах и пикетах / Participation in meetings, demonstrations, rallies and pickets	Обращения к власти, встречи с политическими деятелями / Appeals to the authorities, meetings with political figures	Участие в политических партиях, организациях и движениях / Participation in political parties, organizations and movements	Участие в выборах и референдумах / Participation in elections and referendums	Деятельность политических лидеров / Activities of political leaders
Миграционная резидентность (и гражданство) / Migration residency (and citizenship)	Первое поколение / First generation	4 – 7	3 – 4	1 – 2	0	0	0
	Полугорное поколение / 1 ½ generation	3 – 6	3 – 4	1 – 3	0 – 2	1 – 3	1 – 2
	Второе поколение / Second generation	2 – 5	3 – 5	3 – 6	3 – 4	3 – 5	2 – 3
	Третье поколение / Third generation	2 – 5	2 – 3	4 – 7	3 – 4	4 – 5	2 – 3

Источник: составлено автором / Source: Made by author.

Другим сценарным сюжетом является проблема территориальной и трудовой локализации и концентрации мигрантов (the gravity model of migration), что будет способствовать политической мобилизации и политизации мигрантов, особенно в условиях больших городов и агломераций. Пример Соединенных Штатов показывает, как политическая лояльность мигрантов выстраивается на их географических локализациях. Американские миграционные модели усиливают пространственное размещение по партийному (политическому) принципу, ограничивая межпартийные локальные социальные контакты через пространственное взаимодействие. Такой вывод основывается на существующих исследованиях, которые подтвердили, что мигранты предпочитают переезжать и жить в местах, населенных представителями «своей» политической партии, и местные общины в последние десятилетия стали более политически поляризованными. При этом крупномасштабные модели поляризованных миграционных потоков служат потенциальным механизмом, способствующим географической поляризации по политическим основаниям [28]. При этом мигранты, как правило, сторонятся однородно политически окрашенных территорий, то есть внутри миграционная политическая лояльность является доминирующей [29–31]. Подобный сценарий развития миграционного поведения необходимо учитывать и нам при определении будущего политического ландшафта.

По мнению некоторых экспертов, России для успешного социально-экономического развития и преодоления нарастающих демографических проблем необходимо увеличить миграционный прием и упростить предоставление вида на жительство и гражданства. При этом возможные резервы оцениваются в объеме 15–20 млн человек – на столько можно увеличить численность населения страны в обозримой перспективе [32]. В силу этого значительно увеличится численность российских граждан с миграционным прошлым. Так называемые «новые россияне» будут включены в политическую систему. И в этих реалиях «количество мигрантов не играет такую роль, как факт получения политической субъектности. Мигранты в большой концентрации не остаются разрозненными, а объединяются в этнокультурные сообщества, которые позволяют участвовать в политическом процессе» [33].

Заключение

В перспективе с увеличением доли натурализованных мигрантов в составе граждан России следует ожидать новую политическую реальность, где одним из значимых акторов на политической арене будут выступать «новые россияне». Их политическая активность будет возрастать, а мобилизационные ресурсы этой социальной общности, как показывает опыт Европейского Союза и США, не вызывает сомнений. Таким образом, в недалеком будущем появится реальность, связанная со следующими факторами:

– электоральными процессами – участием все большего числа избирателей и избираемых из когорты натурализованных мигрантов («новых россиян»);

- продвижением интересов и политической мобилизацией мигрантов с использованием как «собственных» (созданных самими мигрантами), так и традиционных институтов гражданского общества;
- нарастанием конкуренции за мигрантов как политический ресурс;
- появлением миграционных групп интересов и групп давления – формированием миграционного лобби;
- все большей политизацией миграции и мигрантов;
- усилением напряженности миграционного дискурса;
- реакцией принимающей стороны – коренных жителей, которая в значительной степени будет ориентирована на сохранение их прежнего политического статус-кво.

Сама миграционная проблематика и миграционный дискурс могут занять особое место в политическом пространстве, формируя собственные смыслы и реакции. Важно, чтобы это не переросло в гражданское противостояние и противоборство элит по отношению к миграционной политике и мигрантам как таковым.

И только время покажет, каким будет политическое будущее мигрантов в России. Однако представителям отечественной науки необходимо предлагать прогнозные сценарии и варианты развития политики и политических процессов с учетом миграционного фактора. Именно поэтому мы рассматриваем данную работу как приглашение к научной дискуссии и возможность коллективного ответа на миграционные вызовы.

Библиографический список

- [1] *Савинов Л.В.* Этнополитика в региональном измерении: монография / Л.В. Савинов. Новосибирск: СибАГС, 2012. 387 с.
- [2] Long-Range Forecasting. 2nd / Ed. by J. Scott Armstrong, 1985.
- [3] *Янч Э.* Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1974.
- [4] *Бестужев-Лада И.В.* Рабочая книга по прогнозированию. М., 2002. С. 8.
- [5] *Кокошин А.А.* Прогнозирование и политика. М., 1975.
- [6] Глобальное сообщество: система координат / ред. А.И. Неклесса. СПб., 2000.
- [7] *Аммер М.А.* Социология миграции в американской историографии конца XX – начала XXI века // Российский экономический вестник. 2019. Т. 2. № 3. С. 112–116.
- [8] *Heisler B.* The sociology of immigration: From assimilation to segmented integration, from the American experience to the global arena / C. Brettell, J.F. Hollifield (Eds.). Migration theory: Talking across disciplines. New York: Routledge, 2000. P. 77–96.
- [9] *Portes A.* Immigration theory for a new century: Some problems and opportunities // C. Hirschman, P. Kasinitz, J. DeWind (Eds.). The handbook of international migration: The American experience. New York: Russell Sage Foundation, 1999. P. 21–33.
- [10] *Brettell C. B., Hollifield J. F.* Migration Theory Talking Across Disciplines. Migration theory. London: Routledge, 2014. P. 13–48.
- [11] Neckerman K., Carter P., Lee J. Segmented assimilation and minority cultures of mobility // Ethnic and Racial Studies. 1999. № 22 (6). P. 945–965.
- [12] *Castles S., De Haas H., Miller M.J.* The age of migration: International population movements in the modern world. New York: The Guilford Press, 2013. 401 p.

- [13] Zhou M. Segmented assimilation: Issues, controversies, and recent research on the new second generation // С. Hirschman, P. Kasinitz, J. DeWind (Eds.). The handbook of international migration: The American experience. New York: Russell Sage Foundation, 1999. P. 196–211.
- [14] Bean F., Stevens G., Wierzbicki S. The new immigrants and theories of incorporation. America's newcomers and the dynamics of diversity. New York: Russell Sage Foundation, 2003. P. 94–113.
- [15] Collier P. Exodus: How migration is changing our world. Oxford: Oxford University Press, 2013. 320 p.
- [16] Wachter G.G., Fleischmann F. Settlement intentions and immigrant integration: The case of recently arrived EU-immigrants in the Netherlands // International Migration. 2018. № 4. P. 154–171.
- [17] Erdal M.B., Oeppen C. Migrant balancing acts: understanding the interactions between integration and transnationalism // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2013. № 6. P. 867–884.
- [18] Зорин В. Ю. Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 3 (39). С. 40–50.
- [19] Al-Ali N., Koser K. New approaches to migration?: transnational communities and the transformation of home. London: Routledge, 2003. 263 p.
- [20] Breunig C., Cao X., Luedtke A. Global migration and political regime type: A democratic disadvantage // British Journal of Political Science. 2012. № 42 (4). P. 825–854.
- [21] McDonald I. Migration and sorting in the American electorate: Evidence from the 2006 Cooperative Congressional Election Study // American Politics Research. 2011. № 39 (3). P. 512–533.
- [22] Российские и мировые миграции: историко-политологический анализ (к 300-летию создания подразделений по вопросам миграции системы МВД России): монография / А.Б. Паскачев, В.А. Волох, В.А. Суворова. М.: Литера, 2019. 248 с.
- [23] Чудиновских О.С. Оценки масштабов нелегальной миграции в России: возможные подходы и источники информации // Вопросы статистики. 2020. Т. 27. № 1. С. 8–28.
- [24] Волох В.А., Герасимова И.В. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // Управление. 2019. № 1. С. 5–12.
- [25] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- [26] Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.
- [27] Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
- [28] Liu X., Andris C., Desmarais B.A. Migration and political polarization in the U.S.: An analysis of the county-level migration network. PLoS ONE. 2019, № 14 (11): e0225405. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0225405>. Accessed: 02.05.2020.
- [29] Hopkins D.J. The increasingly United States: How and why American political behavior nationalized. Chicago: University of Chicago Press, 2018.
- [30] Tam Cho W.K., Gimpel J.G., Hui I.S. Voter migration and the geographic sorting of the American electorate. Annals of the Association of American Geographers. 2013; № 103 (4). P. 856–870.
- [31] Charyyev B., Gunes M.H. Complex network of United States migration. Comput. Soc. Netw. 2019. 6, 1. URL: <https://doi.org/10.1186/s40649-019-0061-6>. Accessed: 02.05.2020.
- [32] Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126.
- [33] Копылов Д. А. Миграция в XXI веке: вызовы сложившемуся миропорядку // Миграция и социально-экономическое развитие. 2019. Т. 4. № 2. С. 57–74. doi: 10.18334/migration.4.2.41317

References

- [1] Savinov L.V. *Ethnopolitics in the regional dimension*: monograph. Novosibirsk: Sibags; 2012. (In Russ.).
- [2] *Long-Range Forecasting*. 2nd. Ed. by J. Scott Armstrong. 1985.

- [3] Yanch E. *Forecasting of scientific and technical progress*. Moscow; 1974. (In Russ.).
- [4] Bestuzhev-Lada I.V. *Working book on forecasting*. Moscow; 2002: 8. (In Russ.).
- [5] Kokoshin A.A. *Forecasting and politics*. Moscow; 1975. (In Russ.).
- [6] *Global community: coordinate system*. Ed. by A.I. Neklessa. SPb.; 2000. (In Russ.).
- [7] Ammer M.A. The sociology of migration in American historiography of the late XX – early XXI century. *Russian Economic Bulletin*. 2019. Vol. 2 (3): 112–116. (In Russ.).
- [8] Heisler B. The sociology of immigration: From assimilation to segmented integration, from the American experience to the global arena. C. Brettell, J.F. Hollifield (Eds.). *Migration theory: Talking across disciplines*. New York: Routledge; 2000: 77–96.
- [9] Portes A. Immigration theory for a new century: Some problems and opportunities. In C. Hirschman, P. Kasinitz, J. DeWind (Eds.). *The handbook of international migration: The American experience*. New York: Russell Sage Foundation; 1999: 21–33.
- [10] Brettell C.B., Hollifield J.F. Migration Theory Talking Across Disciplines. *Migration theory*. London: Routledge; 2014: 13–48.
- [11] Neckerman K., Carter P., Lee J. Segmented assimilation and minority cultures of mobility. *Ethnic and Racial Studies*. 1999. Vol. 22 (6): 945–965.
- [12] Castles S., De Haas H., Miller M.J. *The age of migration: International population movements in the modern world*. New York: The Guilford Press; 2013.
- [13] Zhou M. Segmented assimilation: Issues, controversies, and recent research on the new second generation. In C. Hirschman, P. Kasinitz, J. DeWind (Eds.). *The handbook of international migration: The American experience*. New York: Russell Sage Foundation, 1999: 196–211.
- [14] Bean F., Stevens G., Wierzbicki S. The new immigrants and theories of incorporation. *America's newcomers and the dynamics of diversity*. New York: Russell Sage Foundation; 2003: 94–113.
- [15] Collier P. *Exodus: How migration is changing our world*. Oxford: Oxford University Press; 2013.
- [16] Wachter G.G., Fleischmann F. Settlement intentions and immigrant integration: The case of recently arrived EU-immigrants in the Netherlands. *International Migration*. 2018. Vol. 4: 154–171.
- [17] Erdal M.B., Oeppen C. Migrant balancing acts: understanding the interactions between integration and transnationalism. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2013. Vol. 6: 867–884.
- [18] Zorin Y. The Migration Situation in the Russian Federation: Problems and Solutions. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019; 9 (3): 40–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50>
- [19] Al-Ali N., Koser K. *New approaches to migration? Transnational communities and the transformation of home*. London: Routledge; 2003.
- [20] Breunig C, Cao X, Luedtke A. Global migration and political regime type: A democratic disadvantage. *British Journal of Political Science*. 2012. Vol. 42 (4): 825–854.
- [21] McDonald I. Migration and sorting in the American electorate: Evidence from the 2006 Cooperative Congressional Election Study. *American Politics Research*. 2011. 39 (3): 512–533.
- [22] *Russian and world migrations: historical and political analysis (to the 300th anniversary of the creation of migration units of the Ministry of internal Affairs of Russia)*: Monograph / A.B. Paskachev, V.A. Volokh, V.A. Suvorova. M.: Litera; 2019. (In Russ.).
- [23] Chudinovskikh O.S. Assessing the Scale of Illegal Migration in Russia: Possible Approaches and Sources of Information. *Voprosy statistiki*. 2020; 27 (1): 8–28. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-8-28>
- [24] Volokh V., Gerasimova I. Management of migration processes in the Russian Federation: analysis and prospects. *Upravlenie*. 2019; 7 (1): 5–12. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-5-12>
- [25] Huntington S. *Clash of civilizations*. Moscow: AST; 2003. (In Russ.).

- [26] Sarrazin T. *Germany is breaking away: how we are putting our country at risk*. Deutsche Verlags-Anstalt; 2010. (In German).
- [27] Buchanan P.J. *Death of the West*. М.: AST; СПб.: Terra Fantastica; 2003. (In Russ.).
- [28] Liu X., Andris C., Desmarais B.A. Migration and political polarization in the U.S.: An analysis of the county-level migration network. *PLoS ONE*. 2019. 14 (11): e0225405. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0225405>
- [29] Hopkins DJ. *The increasingly United States: How and why American political behavior nationalized*. Chicago: University of Chicago Press; 2018.
- [30] Tam Cho W.K., Gimpel J.G., Hui I.S. Voter migration and the geographic sorting of the American electorate. *Annals of the Association of American Geographers*. 2013. 103 (4): 856–870.
- [31] Charyyev B., Gunes M.H. Complex network of United States migration. *Comput. Soc. Netw.* 2019. 6, 1. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40649-019-0061-6>
- [32] Riazantsev S.V. Modern migration policy of Russia: problems and approaches to improvement. *Sociological research*. 2019. Vol. 9: 117–126. (In Russ.).
- [33] Kopylov D.A. Migration in the XXI century: challenges to the established world order. *Migration and socio-economic development*. 2019. Vol. 4 (2): 57–74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18334/migration.4.2.41317>

Информация об авторе:

Савинов Леонид Вячеславович – доктор политических наук, доцент, декан факультета государственного и муниципального управления, профессор кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0003-2827-0339) (e-mail: savinov@siu.ranepa.ru).

Information about the author:

Leonid V. Savinov – Doctor of Political Science, Professor, Dean of the Faculty of State and Municipal Management, Professor of the Department of State and Municipal Management of the Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) ORCID ID: 0000-0003-2827-0339) (e-mail: savinov@siu.ranepa.ru).